

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Д. Л. МОРДОВЦЕВЪ

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

П О В Ъ С Т Ъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. С. Балашева, Екатеринин. кан., 78
1889

Екатерининскій кан., д. 78.
№ 2884.

ъ я смотрю на дворцы, на колонны, руины и храмы,
съ разсудительный мужъ, ищущій пользы одной.
ро все это исчезнетъ—и будетъ все храмъ лишь единый
а любви—и онъ приметъ адептовъ своихъ..
ъ! ты вмѣщаешь весь міръ; но не будь въ немъ любви
благодатной—
быль-бы міромъ и міръ, не былъ-бы Римомъ и Римъ...

Гёте.

Не любовь-ли движетъ сферы міровыя?
Не на ней-ли остовъ міра утверждень?
Удали богиню съ колеса природы—
И система міра распадется въ прахъ:
Съ грохотомъ планеты упадутъ въ пространство
И Ньютонъ заплачетъ о былыхъ мірахъ...
Пусть любовь покинетъ этотъ міръ любовный—
И подъ гнетомъ тѣла духъ его замретъ...
Безъ любви весною май не возвратится;
Безъ любви молитва къ Богу не дойдетъ...

Шиллеръ.

Introite, nam et hic dii sunt.

Гераклитъ.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ.

Повѣсть.

Das ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu...

Heine.

I.

Онъ увидѣлъ ее въ первый разъ на музыкѣ. Это было въ Друскеникахъ. Оркестръ Эбана игралъ одну изъ симпатичныхъ его вещицъ—«Старая мельница».

Дѣвушка сидѣла на пятой скамейкѣ, съ краю. Глаза ея глядѣли прямо, но, казалось, не видѣли ни эстрады, ни играющихъ на ней музыкантовъ, а какъ будто созерцали что-то далекое,—тамъ, въ пространствѣ. Руки ея въ черныхъ шелковыхъ перчаткахъ скрещены были на колѣняхъ.

Онъ сидѣлъ на боковой скамейкѣ и видѣлъ ея профиль—бѣлый матовый високъ и низенькій лобъ, отѣненные слегка пушкомъ мягкихъ каштановыхъ волосъ. Она была вся въ черномъ. Слушала ли она музыку, или прислушивалась къ чему-то другому,

что было у нея въ душѣ, въ воспоминаніяхъ? Онъ самъ сначала не далъ себѣ отчета—почему глядитъ на нее, именно на нее? Онъ хотѣлъ слушать музыку, а между тѣмъ видѣлъ ее и смотрѣлъ на нее. Это начинало его досадовать. Какое ему дѣло до того, кто она! Онъ на своемъ вѣку, бродя по свѣту, видѣлъ столько лицъ; мимо его глазъ мелькало столько красоты, иногда поразительной и идеальной, что невольно приковывался взоръ; вмѣстѣ съ «Чайльдъ-Гарольдомъ» и Байрономъ, онъ могъ сказать: «я бродилъ подъ разными климатами, видѣлъ много прекрасныхъ, очаровательныхъ женщинъ, но»...

Оркестръ замолчалъ, и она какъ бы опомнилась; но все же взоръ ея былъ задумчивъ и грустенъ. Онъ это разомъ уловилъ; уловилъ и себя на подглядыванье. Это, наконецъ, пошло, не деликатно. Какое ему дѣло до нея! Это, онъ повторялъ про себя уже второй разъ, и не понималъ, что съ нимъ. Что-то, однако, шевельнулось у него въ памяти. Но что именно? — Съ этимъ задумчивымъ лицомъ, съ этимъ тонкимъ профилемъ что-то какъ бы связано было въ его жизни, въ его воспоминаніяхъ. Да, онъ, помнится, видѣлъ этотъ профиль, это лицо. Но гдѣ? Когда? Да и зачѣмъ ему? Въ его прошломъ не было ничего такого, съ чѣмъ бы связана была память его сердца. Зачѣмъ же этотъ профиль

напоминаетъ ему что-то, вызываетъ усиліе мысли—припомнить это «что-то»—и напрасно! Такъ иногда хочется припомнить какое нибудь слово, мелодію, какое нибудь названіе—но память упорно отказывается служить настойчивому требованію воли, и чѣмъ упрямѣе ускользаетъ то, что́ хочетъ уловить память, тѣмъ настойчивѣе возвращается мысль къ этому неуловимому. Да, онъ видѣлъ это лицо; но гдѣ?..

Дѣвушка встала, спокойно обвела взоромъ публику, какъ бы ища кого-то—и онъ увидѣлъ ея глаза; онъ не замѣтилъ ни ихъ цвѣта, ни очертанія; видѣлъ только что-то ясное, свѣтлое и глубокое. Къ ней подбѣжалъ мальчикъ лѣтъ семи или восьми, въ матросскомъ костюмчикѣ, и они направились къ парку.

Да, онъ видѣлъ гдѣ-то этотъ ясный, свѣтлый взоръ, но—помнится—совершенно при другой обстановкѣ, подъ другимъ небомъ. Теперь онъ видѣлъ и всю ея фигуру—стройная, какъ пальмочка, высокенькая и—что пріятно изумило его—безъ всякихъ неизящныхъ излишествъ въ костюмѣ, безъ уродливаго мыса сзади. Послѣ антракта, музыка начала снова играть; но ея на «сковородкѣ»—мѣстное названіе—не было видно. Безъ нея ему какъ будто чего не доставало. Онъ старался не думать о ней,

но упрямая мысль какъ бы нарочно дразнила его, и онъ досадовалъ на себя. Музыка кончилась, и онъ, разсѣянный и скучный, вышелъ изъ парка. Онъ глядѣлъ на гладкую струистую поверхность Нѣмана, на крутой противоположный берегъ, и все какъ будто ждалъ чего. Ровная, гладкая аллея, ведущая въ лѣсъ, туда, къ «Бабушкѣ» и къ фермѣ, пестрѣла, какъ и всегда, группами возвращавшихся съ музыки. Мимо него на хорошенькомъ велосипедѣ промчался маленькій кадетикъ съ миньютюрнымъ личикомъ, испещреннымъ веснушками, какъ ласточкино яичко, и въ широчайшихъ, какъ два мѣшка, парусиновыхъ казенныхъ «обстоятельствахъ». Далѣе—одинъ молодой бородатый еврей везъ въ колясочкѣ другого бородатаго еврея, стараго и, по видимому, безногаго. Въ сторонѣ, подъ старою сосною, прекрасный сетеръ неистово лаялъ на бѣлку, которая съ легкостью птицы перепрыгивала съ дерева на дерево. Говоръ гуляющихъ, крики и веселый смѣхъ дѣтей, грохотъ шаровъ, доносившійся отъ кегельбана,—все это было такъ же, какъ и всегда; но Гранцеву (такъ звали того, о комъ идетъ рѣчь) казалось, что во всемъ этомъ послѣдовала какая-то переменна.

Да оно и не удивительно. Встрѣча на музыкѣ переносила его мысль въ другія далекія мѣста. Но

почему же именно этотъ профиль, что онъ видѣлъ сейчасъ на музыкѣ, и тотъ ясный, свѣтлый взоръ вызывали въ душѣ его далекія воспоминанія, соединенныя съ лучшими, чистѣйшими впечатлѣнїями его жизни? Небо, казалось, окрашивалось въ другой цвѣтъ, болѣе яркій, чѣмъ было вчера; свѣтъ и тѣни казались иными. Вотъ и «Бабушка» — старая тысячелѣтняя сосна, согнутая у вершины, словно ветхая старуха, и исцѣренная множествомъ надписей, какъ старческое лицо морщинами... Мимо него опять промчался кадетикъ на велосипедѣ. Но все это не то, что было вчера. Что же случилось? — Гдѣ источникъ этой переменны на всемъ, что онъ видѣлъ?

Въ раздумьѣ онъ повернулъ влѣво отъ «Бабушки», къ гимнастикѣ. Тамъ, словно рои бабочекъ, пестрѣли дѣтскія платьица и слышались возгласы: «панъ Михаилъ!» — «Вандя!» — «Вилюсъ!» или добродушный голосъ самого «пана Михала»: — «Вяча! что жъ вы не дѣлаете змѣйку?.. халать мѣшаетъ?» — Все то же, что и всегда. Но нѣтъ — не то же. Влѣво, на скамейкѣ, противъ гимнастики — опять та же головка, что и на музыкѣ, тотъ же профиль. Дѣвушка сидѣла и читала какую-то книжку, по временамъ поднимая свой спокойный лучистый взоръ на трапецію, гдѣ качался ея маленькій братишка въ матросскѣ. Навѣрное — она ему сестра.

Опять она! И Гранцеву снова досадно стало на себя. Неужели онъ хочетъ копаться въ ея генеалогіи, строить догадки—сестра ли она этому мальчику, тетка ли, гувернантка? Съ чувствомъ внутренней стыдливости онъ повернулъ въ сторону отъ гимнастики и пошелъ дальше въ лѣсъ, къ «Тремъ ручьямъ». Но его уже преслѣдовала какая-то безпокойная мысль, и онъ невольно спрашивалъ себя: отчего вчера не было этого съ нимъ,—а чего «этого» онъ и самъ не зналъ. Машинально онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ обыкновенно забавляются дѣти, а иногда и взрослые, выкрикивая какое нибудь слово или фразу, а за Нѣманомъ, въ лѣсу, эхо чрезвычайно отчетливо отвѣчаетъ на эти выкрики. Гранцевъ просидѣлъ тамъ нѣсколько минутъ на скамейкѣ, слѣдя глазами за медленнымъ ходомъ плотовъ, двигавшихся внизъ по Нѣману,—и ему стало скучно. Отчего же вчера не было скучно? Тотъ же Нѣманъ съ своею зеркальною, нѣсколько струистою поверхностью, тотъ же противоположный берегъ и та же гладкая песчано-глинистая осыпь, называемая «зеркаломъ», тѣ же, наконецъ, плоты съ поднимающимися отъ нихъ голубыми струйками дыма,—все то же, что и всегда; но у него въ душѣ не то же.

Онъ всталъ, перешелъ ветхій мостикъ, перекинутый черезъ ручей, и направлялся дальше, къ кир-

пичному заводу. Тамъ литвины лѣниво мѣсили глину для кирпичей, отъ времени до времени перекидываясь непонятными для него словами. Онъ шелъ все дальше и дальше. Уже онъ оставилъ за собою островъ. Внизу, на берегу Нѣмана, кто-то удилъ рыбу. Вверхъ по рѣкѣ плыла большая лодка съ катающимися, которые весело болтали и смѣялись.

«Весело имъ», подумалъ Гранцевъ, и сѣлъ на песчаный обрывъ, чтобъ отдохнуть. Онъ чувствовалъ, что на душѣ у него становится все болѣе и болѣе смутно. Можетъ быть, веселое общество катающихся подняло въ немъ эту внутреннюю смуту. Онъ чувствовалъ себя глубоко одинокимъ, чего прежде съ нимъ никогда не было. Правда, одиночество выпало ему въ удѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ только началъ себя помнить; но онъ этимъ не тяготился: ему казалось, что одинокая жизнь — самая нормальная для него. Да онъ объ этомъ собственно никогда и не думалъ. Жизнь его была полна внутреннимъ содержаніемъ: онъ учился, мечталъ, работалъ, много работалъ, много думалъ, еще болѣе читалъ, много странствовалъ по свѣту; въ душѣ его былъ неизсякаемый источникъ воспоминаній изъ его путешествій, встрѣчъ, мимолетныхъ знакомствъ; внутренній міръ его былъ необыкновенно богатъ и разнообразенъ, и онъ самъ съ собою никогда не